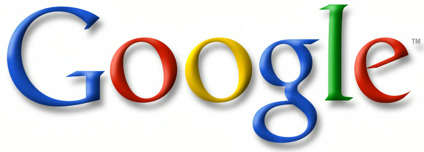

А. А. Титовъ.

СТУДЕНЧЕСКІЕ БЕЗПОРЯДКИ

въ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ВЪ 1861 ГОДУ.

(изъ бумагъ О. М. Бодянскаго).

ИЗДАНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1905

Печатано подъ наблюденіемъ Дѣйствительнаго Члена **А. А. Титова.**

Въ 1861 году въ Московскомъ Университетѣ происходилъ рядъ безпорядковъ, свѣдѣнія о которыхъ отчасти находятся въ 18-ой книгѣ «Жизни и Трудовъ М. П. Погодина», составляемой Н. П. Барсуковымъ (Спб. 1904 г., стр. 245—247); 12 октября сего года произошло «Дрезденское сраженіе» (около гостинницы «Дрезденъ»), подробности коего доселѣ не были изложены въ печати. Въ видахъ выясненія событій того времени печатаемъ находящіяся въ принадлежащихъ намъ бумагахъ О. М. Бодянскаго современные документы: 1) Историческую записку, составленную Университетской Комиссіей по поводу происходившихъ безпорядковъ; судя по черновымъ бумагамъ, она написана была первоначально О. М. Бодянскимъ и затѣмъ исправлена С. М. Соловьевымъ, С. Ешевскимъ и Б. Н. Чичеринымъ. 2) Докладную записку дворянъ-студентовъ Московскаго Университета, поданную Московскому Губернскому Предводителю дворянства, и 3) показаніе вольнаго слушателя Университета отставного поручика Бр. Люгайло (1863 г.), которое хотя касается и позднѣйшихъ событій, но является далеко нелишнимъ для выясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни Московскаго Университета.—О. М. Бодянскимъ по поводу Университетскихъ событій 1861 г. сдѣлана такая замѣтка: «Студенты составили адресъ къ Государю; подписывались подъ адресомъ туго, и все-таки набралось до 200 подписей. Депутація отъ студентовъ отправилась къ Попечителю, чтобъ просить его открыть І-й и ІІ-й юридическіе курсы и принять адресъ для передачи его Государю. Попечитель отказался отъ того и другого. Тогда студенты силой вошли въ профессорскую залу. Въ дверяхъ ихъ удерживали минутъ пять я и Ешевскій, но студенты оттѣснили насъ и вошли къ Попечителю. Пришелъ полицмейстеръ Крейнъ, но его не впустили. Студенты разошлись вечеромъ. Ночью начались аресты. Депутаты ѣздили потомъ съ адресомъ въ Петербургъ и отдали его флигель-адъютанту Рылѣеву. Рылѣевъ увѣрилъ ихъ, что передастъ адресъ Государю»...

Дѣйствительный Членъ Общества **А. Титовъ.**

I.

Историческая Записка, составленная Университетскою Коммиссіею по поводу происходившихъ въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ 1861 года безпорядковъ между студентами Московскаго Университета, и представленная Университетскимъ Совѣтомъ чрезъ его превосходительство Господина Попечителя Московскаго Учебнаго Округа Его Сіятельству Господину Министру Народнаго Просвѣщенія.

Ваше Сіятельство!

Волненіе и безпорядки, которыхъ Университетъ былъ зрѣлищемъ въ послѣднее время, побуждаютъ Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета обратиться къ Вамъ съ донесеніемъ объ этихъ горестныхъ событіяхъ. Совѣтъ имѣетъ въ виду изложить Вашему Сіятельству весь ходъ дѣла, связать настоящія событія съ предыдущими, указать на разнородныя причины, которыя тутъ дѣйствовали, и возвратить каждому принадлежащую ему долю отвѣтственности. Послѣднія происшествія могутъ подать поводъ къ мысли, что Московскій Университетъ сдѣлался центромъ уличныхъ возстаній и революціонныхъ идей. Сознавая съ глубокою скорбью всю беззаконность поступковъ Московскихъ студентовъ, Совѣтъ полагаетъ однако, что безпристрастное изложеніе дѣла должно устранить подобное нареканіе. Совѣтъ смѣетъ увѣрить Ваше Сіятельство, что, несмотря на временныя студенческія увлеченія, основной духъ Московскаго Университета остался неиспорченнымъ. Поддержанный Правительствомъ, Университетъ сумѣетъ совладать съ настоящими смутами и сохранить свое высокое призваніе просвѣтителя русскаго юношества.

Доносія Вашему Сіятельству о всемъ происшедшемъ и излагая причины волненій, Совѣтъ считаетъ необходимымъ говорить со всевозможною откровенностію. Трудное положеніе, въ которомъ находятся нынѣ наши Университеты, настоятельная потребность разумныхъ мѣръ для установленія прочнаго порядка, дѣлаютъ неумѣстнымъ всякое утаеніе истины, или косвенныя уловки и оговорки. Совѣтъ въ своемъ донесеніи старался не выходить за предѣлы ввѣренной ему власти. Но если Ваше Сіятельство усмотритъ здѣсь мысли и сужденія, которыя могутъ показаться несовмѣстимыми съ тѣснымъ кругомъ дѣятельности, предоставленнымъ подчиненному мѣсту, то Совѣтъ покорнѣйше проситъ Ваше Сіятельство принять ихъ не за неуваженіе къ Высшимъ властямъ, а за чистосердечное желаніе содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, успѣхамъ драгоцѣннаго намъ Отечественнаго просвѣщенія.

Первоначальныя причины, которыя произвели настоящія волненія между студентами, коренятся не въ Университетѣ. Нынѣшнія событія суть послѣдствіе и отголосокъ того общаго движенія, которое охватило Россію съ 1855 года. Совѣтъ не считаетъ умѣстнымъ входить здѣсь въ сужденія объ этомъ направленіи Русскаго общества. Онъ указываетъ на него, какъ на несомнѣнный фактъ, который имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны. Для массы Русскаго общества это движеніе новое; она вовсе была къ нему не приготовлена. Оно развилось внезапно, вслѣдствіе бѣдствій послѣдней войны. Понятно, что новое направленіе не скоро можетъ войти въ надлежащую, разумную и законную колею. Оно естественно колеблется, пока не найдетъ себѣ твердыхъ точекъ опоры. Только жизненный опытъ можетъ показать границы, гдѣ свобода становится анархическою и вредною для государства. Пока люди испытали однѣ лишь невыгоды стѣсненій, либеральное направленіе необходимо вдается въ крайности, и эти крайности отражаются прежде всего на молодыхъ умахъ.

Студенты нашихъ университетовъ не состоятъ въ закрытомъ заведеніи, подъ вліяніемъ однихъ начальниковъ и преподавателей. Они живутъ среди общества и заражаются его стремленіями, его страстями, его предразсудками. Русское общество внушило студенту такое понятіе о его достоинствѣ, какое едва ли существуетъ въ другой странѣ. Тамъ, гдѣ образованіе разлито въ народѣ и пустило прочные корни, тамъ учащійся получаетъ естественно принадлежащее ему мѣсто въ общественныхъ рядахъ. Въ Россіи учащійся становится представителемъ образованія, и въ настоящее время всякій русскій человѣкъ глубоко чувствуетъ потребность образованія, какъ единственнаго выхода изъ гнетущихъ его общественныхъ золъ. Сверхъ того, вслѣдствіе вкравшейся у насъ отъ бездѣйствія привычки возлагать по возможности всѣ обязанности на другихъ, у насъ призванными къ дѣятельности постоянно считаются подростающія поколѣнія, тогда какъ поколѣнія зрѣющія начинаютъ уже спокойно наслаждаться жизнію. Оттого молодые люди исполняются сознаніемъ своего высокаго значенія. Студентъ въ Россіи является уже не учащимся, а учителемъ общества; послѣднее смотритъ на него съ нѣкоторою гордостію и съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Въ глазахъ многихъ студентъ представляетъ будущую надежду Россіи.

При всѣхъ превратныхъ послѣдствіяхъ, которыя можетъ повлечь за собою такое преувеличенное понятіе о своемъ достоинствѣ, оно имѣетъ, однако, и хорошую сторону. Истекая изъ уваженія къ образованію, оно даетъ человѣку нравственныя силы, которыя на дальнѣй-

шемъ поприщѣ охраняютъ его отъ тѣхъ искушеній, которымъ слишкомъ часто подвергаются у насъ не только чиновники, но и люди всѣхъ званій. Прискорбно здѣсь въ особенности то, что этимъ понятіямъ не соотвѣтствуетъ степень подготовленія студентовъ. Вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ съ 1848 г., значительно понизился уровень, какъ Университетскихъ занятій, такъ и Гимназическаго преподаванія. Въ Университетъ стали стекаться молодые люди, менѣе прежняго приготовленные къ научнымъ трудамъ, и когда открылась для нихъ большая свобода дѣйствій, они, естественно, стали заниматься общими вопросами, которые требовали отъ нихъ меньшей работы.

Такимъ образомъ состояніе умовъ въ Россіи возбудило въ студентахъ настроеніе, которое нельзя считать нормальнымъ. Обстоятельства, независѣвшія отъ Университета, значительно усилили этотъ духъ.

До конца 1857 г. въ студентахъ Московскаго Университета не было замѣтно никакого особеннаго движенія. Въ это время случилась извѣстная Вашему Сіятельству исторія съ Московскою полиціею. Студенты были оскорблены. Судъ и Высочайшая воля рѣшили дѣло въ ихъ пользу. Виновные были наказаны по закону.

Это событіе въ первый разъ вызвало въ студентахъ мысль о своемъ единствѣ. До тѣхъ поръ у нихъ не было общихъ дѣлъ, а потому не было ни сходокъ, ни депутатовъ. Студенты не думали считать себя корпораціей, но у нихъ всегда былъ, какъ и всегда будетъ, духъ товарищества, который естественно вытекаетъ изъ ихъ положенія и составляетъ самую жизнь Университета. Насиліе, совершенное надъ товарищами, почувствовалось, какъ оскорбленіе всѣхъ. Такъ какъ первоначально не было принято мѣръ для наряженія слѣдствія, и все дѣло грозило кончиться ничѣмъ, то весь Университетъ взволновался. Каждый день собирались сходки. Тогда г. Попечитель предложилъ студентамъ выбрать съ каждаго курса по два депутата, которые бы могли постоянно сноситься съ Начальствомъ для наблюденія за ходомъ дѣла.

Это первое студенческое движеніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Студенты видѣли, что назначеніе Слѣдственной Комиссіи было вызвано тѣми требованіями, которыя они предъявили массою. Съ этихъ поръ укоренилась въ нихъ привычка къ сходкамъ и депутаціямъ. Вскорѣ къ тому присоединилось основаніе студенческой кассы, которая управлялась выборными.

Все это, однако же, могло бы остаться безъ вредныхъ послѣдствій, если бы съ новымъ духомъ, который распространился между студентами, съ новыми правами, имъ предоставленными, была усилена и

дѣятельность Университетской полиціи, наблюдающей за безпорядками. Къ несчастію, послѣдовало совершенно обратное. Карцеръ былъ уничтоженъ, и Университетская полиція лишилась всякихъ исправительныхъ средствъ. Гдѣ есть полиція, тамъ должно быть и полицейское наказаніе. Университетъ же былъ поставленъ въ такое положеніе, что онъ не иначе могъ прекращать безпорядки, какъ исключеніемъ виновныхъ, изъ своей среды,—наказаніе, слишкомъ жестокое, ибо оно за простую шалость, за легкомысленное увлеченіе портитъ всю карьеру молодого человѣка. Можно сказать, что съ этого времени Университетская полиція фактически перестала существовать. Долго она была даже вовсе почти невидима, и только въ недавнее время она показалась снова, хотя и лишена всякихъ средствъ дѣйствовать на студентовъ.

Послѣдствіемъ всего этого былъ рядъ нарушеній Университетскаго порядка. Эти проступки, совершаемые толпою, остались безнаказанными, или по крайней мѣрѣ кончались удачею студентовъ.

Первымъ дѣломъ такого рода была исторія съ профессоромъ Майковымъ. Онъ былъ освистанъ своими слушателями. Студенты представили начальству маленькое извиненіе въ своемъ поступкѣ, но они были освобождены отъ экзамена, и г. Майковъ вышелъ изъ Университета. Затѣмъ то же самое повторилось съ профессоромъ Варнекомъ. Здѣсь исторія была серьезнѣе, и Совѣтъ былъ призванъ къ принятію нужныхъ мѣръ для прекращенія безпорядковъ. Наряженная имъ Коммиссія, получивши отъ студентовъ отзывъ, что они дали другъ другу слово выжить профессора Варнека изъ Университета, рѣшили весь курсъ подвергнуть болѣе или менѣе строгому взысканію, раздѣливъ виновныхъ на различныя категоріи. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія ограничилъ наказаніе исключеніемъ изъ Университета 12 человѣкъ. Остальные были допущены къ изъявленію раскаянія, при чемъ, однако, профессоръ Варнекъ принужденъ былъ оставить Университетъ.

Точно также и профессоръ Орнатскій долженъ былъ выйти въ отставку, потому что студенты отказались ходить къ нему на лекціи. Но въ исторіи съ профессоромъ Леонтьевымъ и преподавателемъ Клиномъ студенты потерпѣли неудачу. Оба профессора остались на своихъ мѣстахъ, и нѣсколько человѣкъ студентовъ были исключены изъ Университета; однако остальнымъ сдѣланы были нѣкоторыя снисхожденія, не совсѣмъ согласныя съ Университетскими правилами.

Съ этихъ поръ прекращаются исторіи съ профессорами. Но прошедшею весною студенты дозволили себѣ призывать къ суду г. Ректора, за мнимое оскорбленіе, нанесенное имъ студенту, который ни

когда и не думалъ жаловаться. Происходившія по этому случаю сходки и движенія остались совершенно безнаказанными. Здѣсь въ первый разъ студенты начали громко толковать о своихъ правахъ, какъ корпораціи. Здѣсь послышались тѣ неумѣренныя и противныя Университетскому порядку требованія, которыя повторились съ большею силою въ настоящихъ смутахъ. Студенты болѣе и болѣе убѣждались, что они призваны быть дѣятелями общественными. Нѣкоторые изъ нихъ ревностно занимались дѣлами, которыя не имѣли никакого отношенія къ Университетскимъ занятіямъ. Вашему Сіятельству извѣстно, что литографія лекцій послужила поводомъ къ распространенію недозволенныхъ сочиненій. Это совершалось довольно открытымъ образомъ, а между тѣмъ оставалось безнаказаннымъ. На панихидѣ по убитымъ въ Варшавѣ полякамъ были произнесены студентами нѣкоторыя весьма неумѣренныя рѣчи, но ораторы не подверглись за то никакому взысканію.

Всѣ эти удачи, которыя повторялись въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, утвердили студентовъ въ мысли, что они своею массою составляютъ силу, противъ которой начальство боится дѣйствовать рѣшительно. Совѣтъ и преподаватели Московскаго Университета не могутъ принять на себя вины за послабленія, которыя повели къ развитію этого духа. Совѣтъ осмѣливается изъявить Вашему Сіятельству свое крайнее убѣжденіе, что одна изъ главныхъ причинъ возникшихъ безпорядковъ заключается въ недостаткѣ твердой, послѣдовательной и основанной на ясномъ пониманіи Университетскихъ нуждъ системѣ управленія Университетами въ продолженіе послѣднихъ 13 лѣтъ.

Въ нынѣшнемъ году послѣдовала совершенная перемѣна въ принятой до того времени системѣ. Совѣтъ не имѣетъ права подвергать обсужденію присланныя ему для исполненія Высочайшія повелѣнія. Но онъ не считаетъ возможнымъ умолчать о тѣхъ причинахъ, которыя произвели въ студентахъ общее неудовольствіе и привели къ настоящимъ безпорядкамъ. Ваше Сіятельство оцѣнитъ, на сколько эти причины могутъ служить извиненіемъ беззаконнымъ дѣйствіямъ студентовъ.

Всякому, кто занимался воспитаніемъ, извѣстно, какъ неохотно вообще молодые люди подвергаются внѣшнимъ мелочнымъ стѣсненіямъ. Избѣгнуть въ этомъ отношеніи бдительнаго взора Начальства становится даже признакомъ удальства, которое всякій нѣсколько бойкій студентъ вмѣняетъ себѣ въ честь. Это всегда было и будетъ, потому что это вѣчное свойство юности. При господствѣ, такъ сказать патріархальныхъ отношеній между студентами и Начальствомъ, какъ это было до 1848 года, это направленіе остается совершенно безвреднымъ.

Въ то время студенты безпрерывно нарушали форму. Инспекція то смотрѣла на это сквозь пальцы, то ласково ихъ побранивала, то, наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ, сажала ихъ въ карцеръ, и все обходилось очень благополучно. Въ настоящее время, при томъ духѣ, который, вслѣдствіе изложенныхъ причинъ, вселился въ студентовъ, при томъ высокомъ понятіи, которое они получили о себѣ, всякое мелкое стѣсненіе кажется имъ оскорбительнымъ. Они ропщутъ, напримѣръ, на обязанность всегда имѣть при себѣ билеты и предъявлять ихъ при входѣ въ Университетъ, гдѣ они привыкли считать себя дома и пользоваться полною свободою движенія. Опасенія же, которыя проглядываютъ въ этихъ мѣрахъ, еще болѣе утверждаютъ ихъ въ мысли, что они составляютъ дѣйствительную силу, отъ которой надобно ограждаться разными изобрѣтеніями.

Въ послѣдніе годы студенты пріобрѣли также привычку къ постояннымъ совѣщаніямъ объ общихъ своихъ дѣлахъ и къ выбору депутатовъ. Это дѣлалось не только съ разрѣшенія, но иногда даже по распоряженію Начальства. Студенты стали считать эти сходки и выборы естественно принадлежащимъ имъ правомъ. Несдержанные полицейскою властію, они это право нерѣдко употребляли во зло. Предыдущія событія внушили имъ мысль, что они этими способами могутъ принимать участіе въ самомъ управленіи Университетомъ, чего, разумѣется, допустить невозможно. Совѣтъ полагаетъ, что въ этой мысли заключается главное зло, проистекающее отъ сходокъ и депутацій. Что касается до другого рода совѣщаній, то Совѣтъ имѣлъ уже честь выше объяснить Вашему Сіятельству, что студенты, не образуя даже юридически организованной корпораціи, всегда составляли и будутъ составлять товарищество; это естественное условіе и послѣдствіе Университетской жизни. Между тѣмъ, повидимому, эти двѣ вещи недостаточно различаются, какъ студентами, такъ и высшимъ Начальствомъ. Товарищамъ свойственно сходиться и толковать между собою. Въ случаѣ какого-либо общаго дѣла, они естественно посылаютъ отъ себя кого-нибудь для объясненія съ Начальствомъ. Тутъ нѣтъ оффиціальнаго представительства, какъ въ корпораціи. Это совершается частнымъ, домашнимъ образомъ, и въ прежнія времена само Начальство находило въ этомъ наилучшее средство для объясненія со студентами и для возможности дѣйствія на нихъ. Новыя постановленія положительно запрещаютъ всякія сходки и всякія объясненія съ Начальствомъ сборищемъ или посредствомъ депутатовъ. Ваше Сіятельство пойметъ, что студентамъ это должно было показаться внезапнымъ отнятіемъ права, которое они привыкли считать своимъ.

Но главнымъ предлогомъ къ безпорядкамъ послужила мѣра объ обязательной платѣ 50 р. Здѣсь уже студенты опирались на нравственное чувство сострадания къ бѣднымъ товарищамъ. Въ этой точкѣ они находили постоянную поддержку въ сочувствіи общества, а потому въ рукахъ агитаторовъ, которые желали произвести волненіе въ Университетѣ, это было наилучшее орудіе для возбужденія массы.

Вашему Сіятельству, вѣроятно, небезызвѣстно, въ какой бѣдности живутъ многіе изъ студентовъ Московскаго Университета. Молодые люди нерѣдко лишаютъ себя послѣдняго куска хлѣба, чтобы воспользоваться Университетскимъ образованіемъ. При томъ недостаткѣ средствъ и пособій, который господствуетъ у насъ, они находятъ здѣсь единственный путь къ просвѣщенію. Отсюда неодолимое стремленіе русскаго юношества къ Университетамъ.

Вашему Сіятельству извѣстно и то, что въ Россіи промышленное и ремесленное поприще до сихъ поръ носитъ характеръ преимущественно сословный, молодому человѣку, непринадлежащему къ купечеству или мѣщанству, трудно посвятить себя ремеслу. Если у него есть кое-какія духовныя стремленія, единственный исходъ для него— Университетъ. Здѣсь только онъ пріобрѣтаетъ возможность получить хоть маленькое образованіе, пробить себѣ дорогу и занять какое-нибудь положеніе въ жизни. Изъ Университета выходятъ чиновники, медики, учители, литераторы. Отцы семействъ готовы жертвовать послѣднею копейкою, чтобы дать сыновьямъ своимъ средства пройти черезъ Университетъ.

Съ такими побужденіями многіе молодые люди пріѣхали нынѣшнее лѣто въ Москву для поступленія въ Университетъ. Здѣсь имъ было объявлено, что они не иначе могутъ поступить, какъ съ уплатою 50 р. въ годъ. Этого они вовсе не ожидали. Бѣднѣйшіе изъ нихъ, тѣ, которые рѣшительно не въ состояніи были заплатить, съ сокрушеннымъ сердцемъ уѣхали домой. Тѣ же, которые имѣли кое-какія средства, внесли требуемую плату, но подверглись всѣмъ бѣдствіямъ бѣдности и, разумѣется, значительно усилили массу недовольныхъ. Этому отчасти можно приписать то обстоятельство, что главными дѣятелями въ безпорядкахъ были студенты 1-хъ курсовъ. Другіе же, видя бѣдственное положеніе товарищей, естественно увлекались желаніемъ избавить ихъ отъ тягостнаго налога.

Самое общество приняло дѣятельное участіе въ бѣдныхъ студентахъ. Вездѣ открылись подписки въ ихъ пользу. Русское общество, которое сдѣлало изъ студентовъ представителей образованія, всегда готово за нихъ вступиться и дать имъ нравственную поддержку. Со-

вѣтъ имѣлъ уже честь объявить Вашему Сіятельству, что потребность образованія, какъ перваго и необходимаго условія для успѣховъ гражданской жизни, для возвышенія нравственныхъ силъ народа, наконецъ для самой силы и могущества Россіи—вотъ чувство, которое глубоко укоренилось въ Русскомъ обществѣ. Совѣтъ полагаетъ, что онъ не выйдетъ за предѣлы предоставленнаго ему права сужденія, если онъ изъяснитъ Вашему Сіятельству, что въ настоящее время всякая мѣра, какимъ бы то ни было образомъ ограничивающая образованіе, будетъ крайне непопулярна и пріобрѣтетъ общее сочувствіе всякому противъ нея протесту, законному или беззаконному. Совѣтъ считаетъ себя даже обязаннымъ высказать это Вашему Сіятельству, потому что, по его крайнему убѣжденію, это обстоятельство должно служить однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ для соображеній, какъ при оцѣнкѣ нынѣшнихъ безпорядковъ, такъ и при дальнѣйшихъ мѣрахъ, которыя могутъ быть приняты относительно русскихъ Университетовъ.

Между тѣмъ новыя постановленія на первыхъ порахъ не вызвали въ студентахъ Московскаго Университета явнаго сопротивленія. Преподаваніе шло своимъ чередомъ, когда происшествія въ С.-Петербургскомъ Университетѣ и послѣдовавшее затѣмъ закрытіе этого заведенія отразились и на Московскихъ студентахъ. Положительно извѣстно что въ Москву прибыли посланные отъ С.-Петербургскихъ студентовъ съ цѣлью возбудить движеніе и здѣсь, и тѣмъ понудить Правительство къ закрытію всѣхъ русскихъ Университетовъ. Надѣялись, что такая сильная и небывалая мѣра возбудитъ всеобщее неудовольствіе и заставитъ Правительство отступиться отъ своихъ требованій.

Подстрекаемые иногородними товарищами, горячія головы изъ Московскихъ студентовъ ревностно принялись за дѣло. Первая сходка произошла въ аудиторіи 1-го и 2-го курсовъ Юридическаго факультета, гдѣ читалось письмо отъ С.-Петербургскихъ студентовъ. Инспекторъ два раза дѣлалъ предостереженіе, объясняя, что сходки формально запрещены. Студенты не только не повиновались, но и освистали Инспектора. Вскорѣ, однако, изъ опасенія подвергнуть отвѣтственности курсъ, въ аудиторіи котораго случатся безпорядки, они перенесли собраніе въ Университетскій садъ, гдѣ опять получили предостереженіе отъ Инспектора, и опять не оказали повиновенія.

Инспекторъ, лишенный всякихъ средствъ дѣйствовать на толпу, не имѣя ни полицейской силы, ни права наказанія, могъ только донести Правленію о случившихся безпорядкахъ. Правленіе, прилагая законъ, закрыло оба курса Юридическаго факультета, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, при чемъ у Инспектора были открыты особые

листы для тѣхъ студентовъ, которые желали заявить свое неучастіе въ безпорядкахъ. Сверхъ того, получивши извѣстіе, что сходки сбираются для поднесенія адреса Государю Императору, и имѣя въ виду правило, которымъ формально воспрещаются какія бы то ни было сходки и объясненія съ Начальствомъ сборищемъ, или посредствомъ депутатовъ, Правленіе постановило, что оно адреса принять не въ правѣ.

Совѣтъ не можетъ не одобрить вполнѣ образа дѣйствія Правленія. При явномъ неповиновеніи властямъ, при отсутствіи всякой матеріальной силы, Начальству остается только твердо стоять на почвѣ законности и не отступать отъ нея ни на шагъ. Совѣтъ убѣжденъ, что въ обыкновенное время, особенно при возстановленіи полицейскихъ наказаній, для охраненія порядка въ стѣнахъ Университета достаточно весьма небольшого состава Университетской полиціи. Но въ случаяхъ чрезвычайныхъ, когда волнуется весь Университетъ, и инспекція встрѣчаетъ явное сопротивленіе со стороны студентовъ, никакая Университетская полиція достаточна быть не можетъ. 20, даже 30 субъинспекторовъ, или педелей, не въ состояніи справиться съ толпою изъ 5 или 600 человѣкъ, когда послѣдняя рѣшилась не повиноваться. Въ этихъ случаяхъ остается только обратиться къ содѣйствію городской Полиціи. По существующимъ правиламъ, Университетское начальство не имѣетъ права требовать полицейской команды въ свое распоряженіе; слѣдовательно, въ случаѣ смутъ, охраненіе или возстановленіе порядка въ Университетѣ совершенно зависитъ отъ благоусмотрѣнія городскихъ властей. Это именно и произошло въ настоящемъ случаѣ. Записавши свои рѣшенія въ протоколъ, Правленіе истощило всѣ средства, которыя состояли въ его распоряженіи.

Совѣту неизвѣстно, какого рода переговоры происходили между г. Помощникомъ Попечителя, управлявшимъ округомъ, и г. Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ. Но изъ донесенія г. Инспектора студентовъ явствуетъ, что ему, въ присутствіи г. Помощника Попечителя и другихъ лицъ, было формально объявлено приказаніе г. Военнаго Генералъ-Губернатора не вмѣшиваться въ Университетскіе безпорядки. Кромѣ того, депутація отъ студентовъ такъ называемой умѣренной партіи, которая желала менѣе рѣзкаго адреса, частнымъ образомъ являлась къ г. Военному Генералъ-Губернатору. Студенты утверждаютъ, что г. Военный Генералъ-Губернаторъ прямо разрѣшилъ имъ сходки въ стѣнахъ Университета, неоднократно обнадеживалъ ихъ принятіемъ адреса, и самъ даже исправлялъ ихъ редакцію.

Совѣтъ не считаетъ себя въ правѣ обсуждать дѣйствія Началь-

ника столицы. Совѣтъ увѣренъ, что г. Военный Генералъ-Губернаторъ руководствовался при этомъ однимъ только желаніемъ миролюбно покончить непріятную исторію и кроткими средствами успокоить взволнованные умы. Но Совѣтъ не можетъ не представить Вашему Сіятельству, въ извиненіе студентовъ Московскаго Университета, что когда молодые люди поставлены между двумя властями, изъ которыхъ одна разрѣшаетъ то, что запрещаетъ другая, то всѣ понятія о власти и о законѣ должны у нихъ перепутаться, что имъ становится невозможнымъ различить, что дозволено и чего нельзя, и что самое неповиновеніе Начальству получаетъ для нихъ законный характеръ. Въ глазахъ Московскихъ студентовъ, Университетское начальство явилось защитникомъ притѣсненій, а г. Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ сдѣлался представителемъ либерализма.

Этими распоряженіями были парализованы не только дѣйствія Университетскаго Начальства, но и всѣ усилія профессоровъ возстановить спокойствіе въ умахъ. Ваше Сіятельство въ недавнемъ циркулярѣ выражали требованіе нравственнаго вліянія профессоровъ на студентовъ. Насколько подобное требованіе исполнимо, объ этомъ здѣсь не мѣсто говорить. Во всякомъ случаѣ, это вліяніе возможно только тогда, когда профессоръ относится къ студентамъ не какъ офиціальное лицо, не какъ профессоръ съ каѳедры, а какъ человѣкъ съ искренними убѣжденіями, сочувствующій нуждамъ молодыхъ людей. Здѣсь необходимо прежде всего, чтобы студенты имѣли полное довѣріе къ искренности и добросовѣстности преподавателя. Въ настоящемъ случаѣ профессоры были поставлены въ самое затруднительное положеніе. Имъ невозможно было употреблять единственный доводъ, который могъ имѣть нравственное вліяніе на студентовъ, именно, уяснить имъ пользу новыхъ мѣръ. Положеніе профессоровъ было тѣмъ болѣе щекотливо, что въ томъ же самомъ Высочайшемъ повелѣніи, которымъ установляется обязательная плата для всѣхъ студентовъ, сказано, что эти деньги идутъ, между прочимъ, на увеличеніе жалованья профессорамъ. Вслѣдствіе этого студенты были убѣждены, что послѣдніе сами выхлопотали себѣ эти выгоды на ихъ счетъ. Когда начались волненія, многіе изъ профессоровъ употребили всѣ усилія для того, чтобы удержать своихъ слушателей отъ участія въ безпорядкахъ. Но они принуждены были ограничиться увѣщаніями, что закону слѣдуетъ безусловно повиноваться, потому что это распоряженіе Верховной Власти, и что профессоры, какъ бы ни сочувствовали нуждамъ студентовъ, не могутъ сочувствовать тѣмъ беззаконнымъ средствамъ, къ которымъ послѣдніе прибѣгаютъ для достиженія своей цѣли.

На подобныя увѣщанія у студентовъ умѣренной партіи былъ готовый отвѣтъ: «Мы не хотимъ ни буйства, ни безпорядковъ. Мы желаемъ только поднести Государю прошеніе о своихъ нуждахъ. Законные пути къ объясненіямъ съ Начальствомъ намъ всѣ преграждены. Мы поневолѣ должны прибѣгать къ нарушенію правилъ. А что Правительство смотритъ на это даже благосклонно, въ томъ намъ порукою г. Московскій Военный Генералъ-Губернаторъ, который обѣщалъ намъ принять наше прошеніе».

Ваше Сіятельство усмотритъ, что на подобное возраженіе отвѣчать было нелегко. Профессора могли ограничиться только предсказаніями, что покровительство, оказанное городскою властью, кончится не совсѣмъ благополучно. Это и сбылось впослѣдствіи.

Несмотря на то, усилія профессоровъ не остались безъ успѣха. 4-й курсъ Юридическаго факультета, пришедши на сходку, прямо объявилъ, что онъ этихъ демонстрацій не одобряетъ и не желаетъ принимать въ нихъ участія. При товарищескихъ отношеніяхъ подобный поступокъ можетъ назваться весьма смѣлымъ. По свидѣтельству профессоровъ и Инспектора, высшіе курсы другихъ факультетовъ точно также не принимали участія въ безпорядкахъ. Студенты третьихъ курсовъ, не отставая отъ товарищей, старались, однако, по возможности воздерживать ихъ отъ безразсудныхъ увлеченій. Они образовали зерно, такъ называемой, умѣренной партіи. Многіе изъ нихъ приходили къ профессорамъ и просили у нихъ совѣта, что имъ дѣлать, не одобряя безпорядковъ и объясняя затруднительное свое положеніе. Вообще главными участниками въ безпорядкахъ были студенты 1-хъ курсовъ, и затѣмъ 2-хъ. Пылкія головы, разумѣется, есть вездѣ: на всѣхъ курсахъ найдется нѣсколько человѣкъ, готовыхъ на разныя крайности. Но здѣсь дѣло идетъ объ общемъ направленіи массы. Совѣтъ покорнѣйше проситъ Ваше Сіятельство обратить особенное вниманіе на это обстоятельство. Оно до очевидности доказываетъ благодѣтельное вліяніе Университета на огромную массу стекающихся въ него молодыхъ людей. Чѣмъ болѣе студентъ проникается Университетскимъ духомъ и поддается вліянію преподавателей, чѣмъ болѣе онъ привыкаетъ къ научнымъ занятіямъ и къ труду, тѣмъ разумнѣе онъ смотритъ на вещи, и тѣмъ менѣе въ немъ готовности принимать участіе во всякаго рода буйствахъ и движеніяхъ.

Послѣдствія даннаго г. Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ приказанія не препятствовать сходкамъ не замедлили обнаружиться. На слѣдующій же день толпа студентовъ ворвалась въ новое зданіе Университета, сломала устроенную въ передней рѣшетку и въ одной

изъ аудиторій переломала нѣсколько мебели. Правленіе, получивши объ этомъ донесеніе, немедленно обратилось къ г. Помощнику Попечителя съ просьбою ходатайствовать о содѣйствіи мѣстнаго Начальства къ прекращенію возникшаго въ Университетѣ безчинія. Г. Помощникъ Попечителя не счелъ, однако, нужнымъ исполнить эту просьбу и, вмѣсто того, учредилъ Комиссію для произведенія слѣдствія о происшедшихъ безпорядкахъ. Единственнымъ результатомъ работъ Комиссіи было удостовѣреніе, что рѣшетка сломана съ умысломъ неизвѣстно именно кѣмъ.

Нѣсколько дней спустя, студенты рѣшились сдѣлать демонстрацію на могилѣ покойнаго профессора Грановскаго. Память Грановскаго остается для Университета священною. Ежегодно, въ день его смерти, нѣкоторые профессоры, студенты и частныя лица, знавшіе его лично, служатъ по немъ панихиду на Пятницкомъ кладбищѣ. Въ первый разъ эта тризна сдѣлалась предлогомъ студенческой манифестаціи. Толпа, состоящая изъ около 300 студентовъ, двинулась изъ Университетскаго сада на мѣсто погребенія. Полиція была предупреждена. Около кладбища стояли казаки, жандармы, полицейская команда. Студенты пришли поздно, по окончаніи панихиды. Профессоры немедленно уѣхали, чтобы не подать вида, что они участвуютъ въ демонстраціи. Полицейскіе начальники стали отговаривать студентовъ отъ всякихъ изъявленій, въ особенности отъ произнесенія рѣчей. Самъ г. Оберъ-Полицмейстеръ явился посреди толпы, но долженъ былъ немедленно удалиться. Рѣчи были произнесены, нѣкоторыя весьма неумѣренныя, и студенты, несмотря на убѣжденія полиціи, такою же сплошною массою возвратились въ Университетъ.

Все здѣсь было противно правиламъ, отъ начала до конца. Все это совершалось на улицахъ Москвы, въ публичныхъ мѣстахъ, въ виду полицейской силы, и все проходило безнаказанно. Не должно ли это было вселить въ студентовъ совершенную увѣренность, что они своею массою составляютъ силу, къ которой Начальство боится приступить?

Между тѣмъ сходки продолжались, но умѣренная партія и крайняя не могли притти къ соглашенію на счетъ адреса. Волненіе видимо слабѣло. Пріѣздъ г. Попечителя послужилъ поводомъ къ новой вспышкѣ. 11 октября толпа студентовъ ворвалась на лекцію къ профессору Ешевскому и стала убѣждать его слушателей, что теперь не до лекцій, что есть общее дѣло, которое требуетъ участія всѣхъ. Но многочисленная аудиторія Ешевскаго не только не послѣдовала внушенію, но вытѣснила вошедшихъ изъ залы и за-

перла за ними дверь. Между тѣмъ въ профессорской комнатѣ депутаты отъ студентовъ предъявили Г. Попечителю самыя неумѣренныя и неумѣстныя требованія. Встрѣтивши формальный отказъ, они возвратились къ товарищамъ. Вскорѣ цѣлая толпа ворвалась въ профессорскую. Положительно извѣстно, что многихъ студентовъ заставляли итти даже силою. Разумѣется, сюда примкнула и масса любопытныхъ, которые, находясь въ Университетскомъ зданіи, желали видѣть, что происходитъ. Предводители толпы снова и еще съ большею настойчивостію приступили къ г. Попечителю. Шумъ продолжался три часа, но всѣ требованія студентовъ встрѣтили, какъ въ г. Попечителѣ, такъ и въ находившихся тутъ профессорахъ, полный и совершенный отпоръ.

Въ слѣдующую ночь, по приказанію городскихъ властей, было арестовано нѣсколько человѣкъ студентовъ. Какъ скоро утромъ эта вѣсть разнеслась по Университету, толпа снова приступила къ г. Попечителю, требуя освобожденія товарищей, и опять потерпѣла неудачу. Видя, что отъ Университетскаго начальства добиться нечего, студенты отправились къ г. Военному Генералъ-Губернатору. Толпа была многочисленная, но часть ея отдѣлилась и на Тверскую площадь прибыло около 300 человѣкъ. Можно полагать, что здѣсь были всѣ, принимавшіе дѣятельное участіе въ безпорядкахъ, и даже многіе просто любопытные, которые воображали, на основаніи предшествующихъ событій, что въ подобной демонстраціи нѣтъ ничего противозаконнаго, или опаснаго.

Вашему Сіятельству извѣстно, что передъ домомъ г. Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора между студентами и полиціею произошла схватка, и что пришедшая на площадь толпа студентовъ была арестована. Совѣтъ не имѣетъ достаточныхъ свѣдѣній о томъ, что тамъ происходило, и не считаетъ себя въ правѣ объ этомъ говорить. Одно судебное слѣдствіе можетъ раскрыть истину и опредѣлить степень виновности каждаго. Но между студентами распространились слухи о насиліяхъ полиціи, такъ что даже самые умѣренные изъ нихъ взволновались насчетъ судьбы товарищей. На слѣдующій день, послѣ происшествій на Тверской площади, большая толпа студентовъ собралась на Университетскомъ дворѣ. Желая успокоить умы и въ послѣдній разъ употребить мирныя средства, Университетское начальство, въ сопровожденіи профессоровъ, вышло на крыльцо и объявило: 1) что при слѣдствіи надъ арестованными студентами будетъ депутатъ отъ Университета; 2) что если толпа немедленно не разойдется, то будетъ распоряжаться уже не Университетское начальство, а городская по-

лиція. Студенты спокойно разошлись, и съ тѣхъ поръ не было сколько-нибудь значительныхъ сборищъ.

Однако волненіе этимъ не прекратилось, но оно приняло другой характеръ. Не довѣряя тайному судопроизводству, помня, сверхъ того, прежнюю исторію съ полиціею, гдѣ они своею настойчивостью вытребовали себѣ правосудіе, студенты положили не ходить на лекціи, пока не рѣшится участь ихъ товарищей. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, вожаки дѣйствовали въ этомъ смыслѣ даже угрозами и устрашеніемъ прилежныхъ студентовъ. Однако и эта попытка не удалась. Большинство Медицинскаго факультета объявило своимъ профессорамъ, что оно желаетъ слушать ихъ чтенія. Высшіе курсы другихъ факультетовъ также продолжали ходить на лекціи; мало-по-малу за ними слѣдуютъ и остальные; благоразуміе видимо беретъ верхъ.

Донося Вашему Сіятельству о всѣхъ этихъ прискорбныхъ событіяхъ, Совѣтъ полагаетъ, что внимательное разсмотрѣніе обстоятельствъ и соображеніе причинъ, которыя тутъ дѣйствовали, должно привести къ убѣжденію, что безпорядки, происшедшіе въ Московскомъ Университетѣ, не имѣютъ того характера общности, упорства и опасности, который могъ бы вызвать необходимость какихъ-либо чрезвычайныхъ мѣръ. Въ Университетѣ, безъ сомнѣнія, есть много пылкихъ головъ готовыхъ на безразсудные поступки. Таковыя всегда найдутся въ массѣ болѣе нежели 2000 молодыхъ людей отъ 17 до 20 лѣтняго возраста. Въ обыкновенное время ихъ сдерживаетъ прежде всего увѣренность, что нарушеніе закона не останется безнаказаннымъ, и что Начальство всегда обладаетъ достаточною силою, чтобъ прекратить въ корнѣ какое бы то ни было движеніе. Въ настоящемъ же случаѣ, состояніе и духъ Русскаго общества, недостатокъ полицейскихъ средствъ въ рукахъ Университетскаго Начальства, безнаказанность прежнихъ попытокъ, наконецъ послабленіе городскихъ властей явному нарушенію правилъ, все это должно было привести ихъ къ убѣжденію, что имъ все дозволено, что Начальство ихъ боится, а общество ихъ поддерживаетъ. Эти пылкія головы составляютъ первую категорію участниковъ въ безпорядкахъ. Ваше Сіятельство видитъ, что эта вина молодости, при стеченіи разныхъ, независящихъ отъ Университета, неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Ко второй категоріи можно отнести массу студентовъ умѣренныхъ, которые не желали ничего другого, какъ только возможности законнымъ путемъ заявлять Начальству о своихъ нуждахъ и облегченіи участи бѣдныхъ своихъ товарищей. Съ этою просьбою они хотѣли обратиться къ Государю Императору, какъ къ своему естествен-

ному защитнику и покровителю. Русскому человѣку не легко растолковать, что подобное обращеніе можетъ быть незаконнымъ. Масса умѣренныхъ студентовъ была вовлечена въ движеніе именно тѣми нравственными предлогами, на которые опирались коноводы. При такихъ условіяхъ, духъ товарищества не позволялъ имъ отдѣляться отъ другихъ. Притомъ они видѣли, что городское Начальство не смотритъ неблагосклонно на ихъ дѣйствія, а въ окружающемъ ихъ обществѣ, какъ Совѣтъ имѣлъ уже честь выше объяснить Вашему Сіятельству, они встрѣчали такую нравственную поддержку, которая не только подстрекала ихъ къ движенію, но и заставляла ихъ стыдиться равнодушія къ общему дѣлу.

Къ этому должно присоединить и ту терроризацію, которую дѣятельное и шумное меньшинство всегда производитъ надъ большинствомъ, какъ скоро толпѣ дозволяется безнаказанно преступать законы, и нѣтъ власти, ограждающей слабыхъ отъ притѣсненія. Вожаки прибѣгали къ угрозамъ, даже иногда къ физической силѣ, чтобъ заставить равнодушныхъ присоединиться къ движенію. Но въ товарищескомъ кругу подобныя средства бываютъ обыкновенно излишними. Однихъ упрековъ, насмѣшекъ и стыда передъ товарищами достаточно, чтобы молодой человѣкъ не отказался отъ общаго дѣла. Оттого многіе соглашались подписать адресъ, рѣшительно не участвуя ни въ какихъ безпорядкахъ.

Наконецъ Совѣтъ не можетъ скрыть отъ Вашего Сіятельства, что изъ донесеній г. Инспектора видно, что значительное участіе въ смутахъ принимали Польскіе студенты. Однако справедливость требуетъ замѣтить, какъ на основаніи тѣхъ же показаній г. Инспектора, такъ и по общимъ отзывамъ студентовъ, что поляки въ этомъ дѣлѣ большею частію вели себя очень осторожно, не выставляясь на первый планъ, пуская впередъ коноводовъ изъ русскихъ и поддерживая только своею массою общія рѣшенія.

При всемъ томъ, всѣ эти элементы, вмѣстѣ взятые, составляютъ весьма незначительное меньшинство студентовъ Московскаго Университета. Какъ Совѣтъ имѣлъ уже случай изъяснить Вашему Сіятельству, изъ числа болѣе 2000 студентовъ, нынѣ учащихся въ Университетѣ, дѣятельное участіе въ безпорядкахъ принимала масса не болѣе 300 человѣкъ. Это оказывалось всякій разъ, какъ нужно было сдѣлать демонстрацію внѣ Университета.

Въ Университетскихъ же стѣнахъ толпа увеличивалась всѣми любопытными, которые, видя безпрепятственное повтореніе сходокъ, естественно примыкали къ другимъ, желая знать, что происходитъ, а

часто и въ надеждѣ удержать товарищей отъ безразсудныхъ дѣйствій. Даже на 1-мъ и 2-мъ курсахъ Юридическаго факультета, откуда началось волненіе, число своевременно заявившихъ свое неучастіе въ безпорядкахъ значительно превосходитъ количество остальныхъ. Записываться на открытыхъ у Инспектора листахъ, съ выдачею ему своихъ билетовъ, на первыхъ порахъ было не совсѣмъ безопасно. Толпа неоднократно приходила къ Инспектору требовать этихъ списковъ, чтобъ предать товарищей позору, какъ они выражались. А между тѣмъ студентовъ, своевременно заявившихъ свое неучастіе въ безпорядкахъ, оказывается 210, кромѣ 28 стороннихъ слушателей, тогда какъ число не записавшихся у Инспектора простирается только до 92-хъ человѣкъ.

Совѣтъ смѣетъ увѣрить Ваше Сіятельство, что большинство студентовъ Московскаго Университета желаетъ прежде всего мирно продолжать свои занятія. Только отсутствіе власти, имѣющей въ рукахъ матеріальную силу, дало возможность меньшинству пылкихъ головъ выставиться на первый планъ, увлечь за собою болѣе спокойныхъ товарищей, заглушить голосъ благоразумныхъ и дѣйствовать какъ бы отъ имени всѣхъ студентовъ.

Совѣтъ убѣжденъ, что матеріальное спокойствіе Университета установится прочнымъ образомъ, какъ скоро студенты убѣдятся, что законъ всегда будетъ непремѣнно исполненъ, что нельзя безнаказанно нарушать Университескій порядокъ, и что всякая демонстрація можетъ послужить единственно къ ихъ собственному вреду. А это убѣжденіе можетъ утвердиться въ нихъ только въ томъ случаѣ, если Университетское Начальство будетъ снабжено достаточными средствами для исполненія своихъ предписаній, и если въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ оно будетъ въ правѣ разсчитывать на содѣйствіе городской полиціи.

Что же касается до возстановленія нравственнаго вліянія Начальства на студентовъ, то Совѣтъ полагаетъ, что оно можетъ послѣдовать только при устраненіи тѣхъ причинъ, которыя даютъ нравственные предлоги для движеній, парализуютъ вліяніе преподавателей и доставляютъ недовольнымъ постоянную опору въ сочувствіи общества. Совѣтъ не считаетъ себя въ правѣ предлагать въ этомъ отношеніи какія бы то ни было мѣры. Но онъ не можетъ не выразить Вашему Сіятельству своего глубокаго убѣжденія, что одно изъ главныхъ условій для возстановленія нравственнаго значенія Университета состоитъ въ безплатномъ пріемѣ въ студенты бѣднѣйшихъ людей, жаждущихъ просвѣщенія.

Есть, конечно, основаніе опасаться, что отмѣна новыхъ Универ-

ситетскихъ правилъ, прежде совершеннаго прекращенія безпорядковъ, будетъ сочтена за уступку беззаконнымъ требованіямъ студентовъ. Но всѣ изложенныя выше обстоятельства, повидимому, ясно указываютъ на потребность новыхъ уставовъ для нашихъ Университетовъ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ, настоящіе прискорбные безпорядки, измѣнившійся духъ Русскаго общества и студентовъ, наконецъ самая шаткость многихъ правилъ, неоднократно подвергавшихся перемѣнамъ, все это доказываетъ необходимость зрѣло обдуманной, послѣдовательной и основанной на современныхъ потребностяхъ, системы Университескихъ постановленій. Все дальнѣйшее развитіе Университетовъ зависитъ отъ введенія подобной системы.

Представляя всѣ эти соображенія на усмотрѣніе Вашего Сіятельства, Совѣтъ остается при твердомъ убѣжденіи, что настоящія временныя смуты не въ силахъ поколебать вѣковаго зданія старѣйшаго изъ русскихъ Университетовъ.

Подлинную записку подписали: ординарный профессоръ С. Соловьевъ, ординарный профессоръ О. Бодянскій, исправляющій должность ординарнаго профессора П. Леонтьевъ, исправляющій должность экстраординарнаго профессора С. Ешевскій и исправляющій должность экстраординарнаго профессора Б. Чичеринъ.

II.

Его Превосходительству Господину Московскому Губернскому Предводителю Дворянства Петру Петровичу Воейкову отъ дворянъ, слушающихъ лекціи въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,

докладная записка.

12-го октября на улицахъ Московскихъ студенты Университета нашего подверглись открытому нападенію и всякаго рода оскорбленіямъ среди бѣлаго дня со стороны полиціи и жандармовъ. Лично оскорбленные при этомъ, мы рѣшились обратиться къ Вашему Превосходительству какъ къ представителю Дворянскаго сословія, къ которому мы имѣемъ честь принадлежать, чтобы объяснить Вамъ ходъ всего дѣла и просить Васъ повергнуть на разсмотрѣніе Государя Императора противузаконные поступки полиціи, дабы описаніе этого дѣла дошло до Него въ настоящемъ видѣ. Съ этой цѣлью мы представляемъ Вашему Превосходительству краткое изложеніе происшествій, за достовѣрность которыхъ мы ручаемся.

Закрытіе С.-Петербургскаго Университета было первою причиною

того ряда недоразумѣній, который такъ трагически кончился катастрофою 12-го октября. Оно вызвало сперва безпорядочную вспышку 27-го сентября, которая имѣла послѣдствіемъ закрытіе первыхъ двухъ курсовъ Юридическаго факультета. Затѣмъ послѣдовалъ болѣе благоразумный образъ дѣйствія,—появилось желаніе обратиться къ Государю Императору съ почтительною просьбою объ открытіи С.-Петербургскаго Университета и объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ правилъ, вызвавшихъ волненіе между студентами. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній составленъ былъ проектъ прошенія, который былъ одобренъ студентами и высшимъ Начальствомъ; послѣднее обнадежило студентовъ въ томъ, что прошеніе это будетъ принято за отсутствіемъ Попечителя Помощникомъ его и что само высшее Начальство будетъ ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ объ исполненіи ихъ просьбы. Въ надеждѣ на это обѣщаніе студенты прекратили сходки, и было приступлено къ собиранію подписки подъ прошеніе. Въ это самое время пріѣхалъ Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Николай Васильевичъ Исаковъ, который отказался не только принять прошеніе, но и прочесть его. Отказъ этотъ произвелъ новое волненіе между студентами, при чемъ неудовольствіе выразилось довольно рѣзко и необдуманно. Въ ночь съ 11-го на 12-е число послѣдовали многочисленные аресты, въ числѣ арестованныхъ были и люди, не участвовавшіе ни въ какихъ сходкахъ.

12-го октября поутру студенты повсегдашнему собрались въ Университетъ, какъ вдругъ разнесся слухъ, что ночью, неизвѣстно за что, схвачено по квартирамъ до 20-ти человѣкъ студентовъ. Эта вѣсть сильно огорчила всѣхъ; желая ближе узнать какъ причину, такъ и подробности этого происшествія, студенты стали мало-по-малу стекаться на Университетскій дворъ, гдѣ всякій приходившій приносилъ имъ новыя свѣдѣнія объ этомъ происшествіи. Такъ собралось ихъ до 400 человѣкъ. Они обратились было къ Попечителю съ просьбою объявить имъ причину этихъ арестовъ, но онъ отказался дать имъ какое бы то ни было объясненіе по этому предмету. Пока студенты въ раздумьи стояли на дворѣ, не зная что предпринять, пришло приказаніе отъ Генералъ-Губернатора прислать къ нему студента Гижицкаго. Тутъ раздались голоса: «Проводимъ и мы его и узнаемъ объ участи товарищей нашихъ», и толпа безъ дальнѣйшаго разсужденія тронулась по направленію къ дому Генералъ-Губернатора. Поступокъ этотъ былъ неосторожень, но никому не пришло въ голову, что такое дѣйствіе могло быть принято за демонстрацію. Зная расположеніе къ нимъ Генералъ-Губернатора, неоднократно высказавшееся въ словахъ и на

дѣлѣ, помня, что полиція за нѣсколько дней не помѣшала шествію ихъ на могилу профессора Грановскаго въ числѣ быть можетъ 500 человѣкъ, студенты были твердо убѣждены, что пока они будутъ вести себя тихо и воздерживаться отъ всякаго шума и безпорядковъ, полиція ихъ не тронетъ, и поэтому они рѣшились итти, соблюдая совершенную тишину. Едва студенты вышли со двора и направились по Моховой улицѣ, какъ полиція и жандармы, скрывавшіеся въ манежѣ, вышли и послѣдовали за ними. Студенты прошли въ совершенной тишинѣ Моховую улицу и Тверскую, никто изъ Начальства, какъ университетскаго, такъ и городского, не обратился къ нимъ съ приглашеніемъ разойтись; полиція не препятствовала ихъ шествію. Наконецъ они вышли на Тверскую площадь и остановились передъ домомъ Генералъ-Губернатора. Четыре человѣка было отправлено къ Генералъ-Губернатору съ просьбою объявить имъ причину ареста товарищей. Пока посланные просили о дозволеніи видѣться съ Г.-Губернаторомъ, полиція и жандармы, шедшіе позади, вышли на площадь и окружили студентовъ съ трехъ сторонъ. Послѣ этого они рѣшились отрѣзать ихъ отъ дома Генералъ-Губернатора. Студенты, которые до тѣхъ поръ стояли передъ домомъ въ совершенной тишинѣ, ожидая возвращенія посланныхъ, увидѣли себя окруженными. Не желая быть отрѣзанными отъ своихъ товарищей, которые, какъ они полагали, излагаютъ въ это время Генералъ-Губернатору ихъ просьбы, они рѣшились не давать себя оттѣснить и объявили объ этомъ жандармскому офицеру, который въ это время старался ворваться со своими солдатами между ними и домомъ Генералъ-Губернатора. Офицеръ, не желавшій подвергнуться личнымъ непріятностямъ при нападеніи жандармовъ на студентовъ, отступилъ на нѣсколько шаговъ и потомъ крикнулъ солдатамъ: «хватай! вяжи!» По этому сигналу пѣшіе жандармы и полиція мгновенно устремились на студентовъ, начали бить и хватать ихъ. Начался страшный безпорядокъ, одни бѣжали, другіе сдавались безъ сопротивленія, а остальные, раздраженные вѣроломнымъ поступкомъ полиціи, которая ни разу не приглашала ихъ разойтись, сопротивлялись нападавшимъ. Къ полиціи и пѣшимъ жандармамъ присоединились и конные, которые до тѣхъ поръ скрывались на дворѣ Тверской части. На свистъ хожалыхъ изъ всѣхъ домовъ выскочили дворники и мужики, заранѣе приготовленные, которые съ крикомъ и ругательствами устремились на бѣгущихъ. Началась ужасная травля по всѣмъ улицамъ города; гдѣ только показывалась студенческая фуражка, полиція и жандармы устремлялись на несчастныхъ жертвъ и били ихъ безчеловѣчнымъ образомъ. Конные жандармы на полномъ скаку нагоняли студентовъ,

хватали ихъ за шиворотъ или за волосы, и, продолжая скакать, волочили ихъ за собою, такъ что ноги ихъ стучали по камнямъ. Въ народѣ былъ распущенъ слухъ, что студенты возстали на Царя и хотятъ убить Генералъ-Губернатора. «Какъ на Государя», ревѣлъ народъ, «на клочки разорвемъ!» Былъ распущенъ и другой слухъ, будто студенты требуютъ возвращенія крѣпостного права, и наконецъ многіе изъ народа увѣрены были, что всѣ студенты—поляки, которые возстаютъ противъ Государя, и преслѣдовали ихъ на этомъ основаніи

Наконецъ шумъ началъ утихать; студенты разсѣянные, окруженные со всѣхъ сторонъ полиціею и жандармами, избитые, многіе изувѣченные, были приволочены въ Тверскую часть. Комнатъ далеко не хватало въ арестантскихъ для помѣщенія всѣхъ пойманныхъ, число которыхъ, вмѣстѣ съ пойманными на улицахъ и бульварахъ, доходило до 400. Всѣ они были загнаны на дворъ Тверской части, ихъ окружили жандармами и полиціею, но и тѣ и другіе были скоро замѣнены регулярными войсками, состоявшими изъ гренадерскихъ и армейскихъ кадровъ. Тутъ только обнаружились слѣды энергическихъ мѣръ, къ которымъ полиція прибѣгла безъ всякаго повода со стороны студентовъ. Избитые, съ разорванною одеждою, стояли они, и между ними раздавались стоны раненыхъ. Кромѣ студентовъ, пришедшихъ къ Губернатору просить за своихъ товарищей, кромѣ пойманныхъ на улицахъ, при выходѣ изъ домовъ и на бульварахъ, было схвачено много лицъ, не принадлежащихъ вовсе къ Университету, изъ которыхъ нѣкоторые, несмотря на то, не избѣгли побоевъ. Хотя большая часть студентовъ была выпущена въ слѣдующіе затѣмъ дни, тѣмъ не менѣе осталось еще нѣсколько десятковъ человѣкъ, которые до сихъ поръ сидятъ въ частяхъ.

Заключая описаніе печальныхъ происшествій 12-го октября, мы еще разъ обращаемся къ Вашему Превосходительству съ покорнѣйшею просьбою довести до свѣдѣнія Государя Императора все происшедшее.

Подлинное подписано 20-ю дворянами-студентами, потерпѣвшими 12-го октября оскорбленія отъ полиціи.

III.

1863 года сентября 20 дня отставной поручикъ Брониславъ Люгайло былъ спрошенъ и показалъ:

Бывши вольнымъ слушателемъ въ Московскомъ Университетѣ, я зналъ, что искони вѣка Университетская молодежь составляла обще-

ства подъ разными названіями и съ различными цѣлями. Учрежденіе перваго общества съ правильною организаціею и состоявшаго изъ большаго числа членовъ принадлежитъ полякамъ. Русскіе студенты, сколько я знаю, въ Московскомъ Университетѣ не соединялись въ общества, кромѣ весьма незначительной партіи Донской общины. Существованіе общества относится къ давнему времени и именно ко времени закрытія Виленскаго Университета. Первые поляки, пріѣхавшіе учиться въ Московскій Университетъ, образовали сперва незначительное по числу общество, которое потомъ, при мнѣ, т. е. 1863 года, увеличилось до 600 человѣкъ. Цѣль общества вытекла изъ естественной необходимости: 1) слѣдить за нравственностію всѣхъ членовъ, 2) дать средства къ существованію бѣднымъ, 3) учредить библіотеку, ибо студенты терпѣли недостатокъ въ книгахъ, 4) оградить членовъ отъ дурныхъ примѣровъ и 5) внушать чувства національности и любви къ отчизнѣ. Для достиженія этихъ цѣлей все общество раздѣлилось на общины. Каждая община состояла изъ членовъ, жившихъ недалеко другъ отъ друга въ извѣстной мѣстности. Всѣхъ общинъ было: Коронная (изъ жителей царства Польскаго), Виленскихъ двѣ, Ковенская, Жмудская, Надвинская, Липская, Гродненская, Слуцкихъ двѣ и Руссинская (изъ Руссиновъ).

Для ревизіи дѣлъ, касавшихся всего общества, собирался совѣтъ, который составлялся изъ родныхъ отъ каждой общины, кромѣ того въ немъ имѣли право голоса казначей, библіотекарь и главный родный. Дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ, и для этого собирались родные. Дѣла, касавшіяся только одной общины, рѣшались въ совѣтѣ общины, въ случаѣ же особой важности дѣла представлялись въ особую раду. Дѣла раздѣлялись на административныя и текущія. Никто не могъ поступать въ общество, пока не удостовѣрялись въ добропорядочности поступавшаго. Надъ особенно безнравственными космополитами общій совѣтъ налагалъ слѣдующія наказанія: 1) удаленіе изъ общества, 2) презрѣніе и 3) письменную публикацію въ мѣсто его жительства. Всякій членъ общества долженъ былъ нести слѣдующія повинности: по-чести объявить ту сумму денегъ, которую онъ получаетъ ежемѣсячно изъ дома на свое содержаніе, обязаться въ точности исполнять всѣ постановленія общества, не сближаться съ тѣми поляками, которые не принадлежатъ къ обществу и вообще оказывать къ нимъ презрѣніе. Подать налагалась пропорціонально получаемымъ деньгамъ изъ дома. Библіотека и касса помѣщались въ частныхъ квартирахъ, особаго сбора на библіотеку не было. Деньги собирались родными каждой общины и передавались казначею. Нуждающіеся въ деньгахъ могли занимать ихъ въ общественной кассѣ на

извѣстныхъ условіяхъ съ платежемъ процентовъ. Бѣдные студенты получали вспомоществованія также изъ общей кассы. Въ должностяхъ библіотекаря и казначея при мнѣ были Цеханскій и Маевскій. Все наше общество болѣе или менѣе было проникнуто одинаковыми идеями о самостоятельности Польши. Всѣ мы хотѣли этого, но разсуждали, что достигнуть освобожденія не иначе было возможно какъ путемъ интервенціи Западныхъ державъ, на что многіе не только надѣялись, но и положительно были въ этомъ увѣрены. Лицъ, которыя въ обществѣ нашемъ были особенно замѣтны своими либеральными понятіями и дѣйствіями, я никого не знаю.

Отставной поручикъ Брониславъ Люгайло.

Показанія прочихъ арестованныхъ въ г. Вильно студентовъ Зенкевича, Дембицкаго, Черновскаго, Капеца, Козича, Давида, Тераевича, Квятковскаго и Карповича болѣе или менѣе сходны съ показаніемъ Люгайло и отличаются отъ него только указаніями фамилій особенно вліятельныхъ студентовъ: Станкевича, Рыльскаго, Габято и Дембицкаго.

	DATE DUE		
STANFORD LIBRARIES			
SEP 16 1986			
I. L. L.			